

К. Вентцель

ОСНОВНЫЯ ЗАДАЧИ
НРАВСТВЕННАГО
ВОСПИТАНИЯ.

(Посвящается светлой памяти дорогого друга — Н. Я. В.).

Faisant tomber enfin cet obstacle éternel,
Le moi,— réfléchissons en nous toute lumière
Qui monte de la terre ou qui descend du ciel:
Soyons l'œil transparent de la nature entière,

Guya. Vers d'un philosophe.

Изъ журнала „Вѣстникъ Воспитанія“.

МОСКВА.

Типо-литографія В. Рихтеръ, Тверская, Мамоновскій пер., с. д.
1896.

Основные задачи нравственного воспитания.

(Посвящается светлой памяти дорогого друга—Н. Я. В.).

Faisant tomber enfin cet obstacle éternel,
Le *moi*,— réfléchissons en nous toute lumière
Qui monte de la terre ou qui descend du ciel:
Soyons l'oeil transparent de la nature entière,

Guyaum. Vers d'un philosophe.

Воспитать въ человѣкѣ нравственные стремленія, сдѣлать его неутомимымъ борцомъ за нравственный идеалъ, такъ чтобы вся жизнь его служила живымъ воплощеніемъ этого идеала—самое трудное и вмѣстѣ съ тѣмъ, быть можетъ, самое важное дѣло въ области воспитанія. Воспитаніе физическое и умственное играютъ по отношенію къ нравственному, можно сказать, только чисто служебную роль. И между тѣмъ нигдѣ не сдѣлано такъ мало и въ смыслѣ теоретического изученія и въ смыслѣ практическаго примѣненія, какъ въ области нравственного воспитанія. Это и понятно,— задачи нравственного воспитанія, захватывая всю жизнь человѣка, съ его какъ животными физиологическими потребностями, такъ и высшими духовными интересами, несравненно обширнѣе и сложнѣе тѣхъ задачъ, разрѣшеніе которыхъ составляетъ главное содержаніе трактатовъ о физическомъ или умственномъ воспита-

нії. Но эта обширность и сложность тѣмъ болѣе должны бы были побуждать сосредоточить на нихъ какъ можно больше силъ, что бы такимъ путемъ скорѣе прийти къ практическому разрѣшенію этихъ важныхъ жизненныхъ вопросовъ. Настоящая статья имѣть своею цѣлью уяснить хотя бы въ слабой степени существенныя задачи нравственного воспитанія или, по крайней мѣрѣ, хотя бы намѣтить ихъ.

Но, прежде чѣмъ говорить о задачахъ нравственного воспитанія, слѣдуетъ выяснить, что именно надо понимать подъ нравственностью. Это тѣмъ болѣе необходимо, что самое слово допускаетъ разностороннее толкованіе. Читатель можетъ согласиться съ нашимъ опредѣленіемъ нравственности или нѣтъ,—во всякомъ случаѣ онъ будетъ знать, о чёмъ именно идетъ дѣло, когда мы говоримъ ему о нравственномъ развитіи. Этимъ путемъ будутъ избѣгнуты всякия неясности и недоразумѣнія. Но, такъ какъ цѣль настоящей статьи не теоретическое выясненіе принциповъ нравственности, а практическое разрѣшеніе вопроса о нравственномъ воспитаніи, то мы должны при опредѣленіи понятія нравственности ограничиться только существенно необходимымъ. Намъ придется лишь сжато и кратко формулировать свой взглядъ на нравственность, не пытаясь его обосновывать болѣе подробно, иначе это завело бы насъ слишкомъ далеко отъ предмета нашей непосредственной задачи.

Итакъ, что же такое есть нравственность? Самый естественный отвѣтъ, представляющійся при этомъ, былъ бы, повидимому, таковъ: нравственность есть стремленіе къ осуществленію того, что является для человѣка самыи высокимъ, самыи святымъ, самыи лучшимъ, какими бы именами онъ не называлъ это высокое, святое и лучшее,—правдой, долгомъ, благомъ, или еще какъ-нибудь иначе. Но, что такое правда, долгъ, благо? Имѣютъ ли всѣ эти вещи какое-либо

значеніе и цѣну сами по себѣ? Не представляютъ-ли они только того или другого нашего отношенія къ жизни? Не существуетъ-ли какой-либо высшій критерій, съ которымъ должны сообразоваться и отъ кото-раго получаютъ свое значеніе всѣ эти величія слова? Да, этотъ критерій существуетъ и этимъ критеріемъ является „жизнь“. Самое высшее, самое драгоцѣнное благо и сокровище для человѣка составляетъ „жизнь“, какъ та жизнь, носителемъ которой онъ самъ является, такъ и та, которая широкимъ потокомъ разлита кругомъ него въ природѣ и человѣчествѣ. Внѣ „жизни“, понимаемой въ самомъ широкомъ значеніи этого слова, нѣть ничего ни святого, ни благороднаго, ни-чего такого, что стоило бы желать — отъ нея одной всѣ получаетъ и смыслъ, и разумность, и оправданіе своего существованія. Только то мы называемъ хоро-шимъ, святымъ, нравственнымъ, разумнымъ, справед-ливымъ, что ведетъ къ сохраненію этого блага или къ накопленію его, какъ въ насъ, такъ и кругомъ насъ. И, наоборотъ, всѣ то, что мѣшаетъ прогрессивному раз-витію и росту жизни, — всѣ это мы награждаемъ про-тивоположными эпитетами. Нравственность поэтому есть ни что иное, какъ сознательное стремленіе и дѣятель-ность, направленныя на увеличеніе общей суммы и напряженности жизни въ мірѣ. И такъ какъ человѣкъ, въ предѣлахъ нашего опыта, является выраженіемъ наибольшей концентраціи жизни въ мірѣ, то отсюда становится понятнымъ, почему нравственное поведеніе имѣетъ своимъ главнымъ предметомъ человѣческія су-щества. Но человѣкъ можетъ развить наибольшую сум-му жизни какъ въ себѣ, такъ и кругомъ себя, только въ общежитіи, т. е., соединяясь съ своими собратьями-людьми въ одно цѣлое, называемое обществомъ. Обще-ственныя отношенія, какъ мы находимъ ихъ въ насто-ящее время, построены въ значительной мѣрѣ на началахъ антагонизма и борьбы и потому только въ слабой

степени даютъ возможность для каждой отдельной личности достигнуть полной и широкой жизни. Только гармоническое общество, построенное на началахъ любви и солидарности, можетъ создать условія для этой полной и широкой жизни, можетъ дать каждой индивидуальности возможность развернуть всѣ свои силы и способности и достигнуть того наиболѣе высокаго и могучаго „чества жизни“, которое только въ состояніи дать наиболѣе развитая форма общественныхъ отношеній. Вотъ почему достиженіе такой гармонической общественной жизни является конечною цѣлью нравственной дѣятельности, какъ отдельной индивидуальной личности, такъ и большей или меньшей совокупности такихъ личностей,—такъ какъ наибольшая гармонія, достигнутая людьми въ своихъ общественныхъ отношеніяхъ, равнозначительна съ наибольшою суммою наиболѣе интенсивной жизни.

Взглянемъ теперь на дѣло нравственного развитія съ нѣсколькою иной стороны, имѣющей особенно важное значеніе для всего послѣдующаго нашего изложенія. Жизнь каждой отдельной личности, насколько она является предметомъ ея сознательныхъ стремленій, можетъ быть сведена къ совокупности тѣхъ или иныхъ цѣлей. Чѣмъ въ большей мѣрѣ тѣ частныя цѣли, которыхъ достигаетъ въ теченіе своего существованія отдельная личность, ведутъ къ увеличенію общей суммы и напряженности жизни въ мірѣ, составляющему высшую задачу нравственности, тѣмъ въ большей мѣрѣ жизнь этой личности пріобрѣтаетъ нравственный характеръ. Эта высшая цѣль служить какъ бы для объединенія всѣхъ отдельныхъ частныхъ цѣлей, которая личность, сознательно или безсознательно, преслѣдуєтъ въ теченіе своего существованія. Въ самомъ дѣлѣ, если существуетъ высшая нравственная цѣль, съ которой мы должны сообразовать всѣ свои частныя цѣли, какія бы намъ не приходилось преслѣдоватъ, то, какъ прямой

выводъ изъ этого, необходимо вытекаетъ, что, чѣмъ болѣе согласованы различныя частныя цѣли нашей жизни между собою, тѣмъ болѣе нравственный характеръ получаетъ и наша жизнь. Нравственность немыслима безъ установлениія гармоніи между многоразличными цѣлями человѣческой жизни. Такъ какъ всѣ цѣли могутъ быть разбиты на двѣ крупныя категоріи,—на цѣли индивидуального характера, предметомъ которыхъ является само лицо, ставящее цѣль, и на цѣли соціального характера, предметомъ которыхъ является совокупность индивидуумовъ, вѣ на съ находящихся,—то, можно сказать, что установлениіе гармоніи между этими двумя категоріями цѣлей или объединеніе себя съ остальнымъ человѣчествомъ въ одно цѣлое составляетъ высшую задачу нравственности. Итакъ, выраженный въ другой формѣ, идеалъ нравственности сводится къ установлению гармоніи между всѣми цѣлями человѣческой жизни. Къ этому надо только прибавить, что самая система человѣческихъ цѣлей не остается неизмѣнной, но постоянно видоизмѣняется и расширяется по мѣрѣ развитія отдѣльной личности и всего человѣчества. На этой формулѣ мы и остановимся, такъ какъ она особенно для насъ важна въ практическомъ отношеніи.

Такимъ образомъ, вопросъ о нравственномъ воспитаніи сводится къ выясненію того, что именно нужно дѣлать, что бы воспитать въ ребенкѣ стремленіе къ установлению гармоніи везде и всюду, гдѣ только представится къ этому случай,—стремленіе, которое, начавшись со стремленія къ установлению гармоніи между двумя какими-нибудь мыслями или даже съ еще болѣе элементарныхъ формъ, получило бы свое конечное завершеніе въ стремленіи установить гармонію между собой и всѣмъ остальнымъ человѣчествомъ и міромъ, причемъ міръ и человѣчество берутся въ такой широтѣ, въ какой только возможно. Создать такое стремленіе къ гармоніи вообще, стремленіе, которое

искало бы все болѣе и болѣе широкаго поля для своего приложенія,—значить подготовить почву для нравственнаго поведенія человѣка и сдѣлать его наиболѣе пригоднымъ для осуществленія нравственныхъ задачъ и цѣлей. Если вы хотите воспитать въ ребенкѣ нравственные стремленія и выработать въ немъ нравственный характеръ, то, не толкуя ему много объ отвлеченныхъ принципахъ нравственности, старайтесь только воспитать въ немъ стремленіе отдавать себѣ ясный отчетъ въ тѣхъ цѣляхъ, которыя онъ себѣ ставить, и наряду съ этимъ никогда не ослабѣвающую потребность внести гармонію въ этотъ міръ цѣлей,—и вы этимъ сдѣлаете въ тысячу разъ больше для выработки изъ него нравственнаго человѣка, чѣмъ внѣдряя въ него какой-нибудь кодексъ моральныхъ предписаній, имѣющій будто-бы таинственное, сверхъестественное происхожденіе. Расширять количество ставимыхъ себѣ цѣлей, такъ что бы эти цѣли, имѣя въ виду первоначально почти исключительно только нашу особу, распространились бы и охватили постепенно возможно большее количество людей, и въ тоже время постоянно прилагать всѣ усилия къ тому, что бы между всѣми нашими цѣлями была наибольшая возможная гармонія, что бы всѣ онѣ составляли одну стройную систему цѣлей, исключающую всякия противорѣчія между отдельными цѣлями, входящими въ нее въ качествѣ составныхъ элементовъ,—таковъ, какъ упоминалось, высшій нравственный идеалъ человѣка. Выраженный въ другихъ словахъ, онъ сводится къ тому требованію, что бы человѣческая жизнь, жизнь отдельной личности, была бы наиболѣе плодотворна по количеству и разнообразію полученныхъ въ результатахъ отъ нея послѣдствій для всего человѣчества, считая однимъ изъ составныхъ элементовъ этого человѣчества и самого нравственнаго дѣятеля. А каждая жизнь и каждая дѣятельность тѣмъ болѣе плодотворны, чѣмъ болѣе достигается при посредствѣ

нихъ цѣлей и чѣмъ менѣе эти цѣли взаимно исключаютъ другъ друга, — потому что стремиться къ двумъ противорѣчивымъ цѣлямъ значитъ одною рукою уничтожать то, что было сдѣлано другой, значитъ напрасно растратывать свою жизненную энергию. Вотъ почему только итогъ жизненной дѣятельности такой личности, которой въ наибольшей степени удавалось устанавливать гармонію между цѣлями, преслѣдовавшимися ею въ теченіе своей жизни, можетъ быть наиболѣе великъ по своимъ размѣрамъ.

Посмотримъ же теперь, какимъ образомъ, понимая въ подобномъ смыслѣ нравственность, могутъ и должны быть воспитываемы въ ребенкѣ нравственный стремленія.

Развитіе нравственныхъ стремленій связано съ развитіемъ воли, и потому прежде всего слѣдуетъ отвѣтить на вопросъ, какъ должна быть развивааема въ ребенкѣ воля.

Воля, въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы здѣсь употребляемъ это слово, есть такая способность дѣйствовать, при которой рядъ совершаемыхъ человѣкомъ дѣйствій, прежде его реального осуществленія въ дѣйствительности, имѣеть идеальное существование внутри его сознанія въ формѣ представлениія себѣ всѣхъ этихъ дѣйствій въ той послѣдовательности, въ какой онъ затѣмъ осуществляетъ ихъ на самомъ дѣлѣ. Изъ этого опредѣленія, собственно говоря, уже становится яснымъ, что именно нужно дѣлать для развитія воли. Воля, какъ и всякая дѣятельность, развивается тѣмъ въ большей мѣрѣ, чѣмъ больше бываетъ поводовъ для ея обнаруженія, чѣмъ больше случаетъ, въ которыхъ она можетъ упражняться. Вотъ почему, что бы развить въ ребенкѣ волю, надо пользоваться всякою возможностью, что бы заставить его дѣйствовать согласно поставленной имъ самимъ себѣ цѣли и пользуясь для этого выбранными имъ самимъ средствами.

Чѣмъ болѣе будетъ случаевъ для подобнаго рода дѣятельности, тѣмъ большее развитіе получить и воля. Надо только при этомъ не упускать изъ виду слѣдующее одно практическое соображеніе. Цѣль, которую себѣ ставить ребенокъ, всегда должна быть практически для него достижима. Достигнутая цѣль порождаетъ пріятное чувство удовольствія, сводящееся отчасти къ чувству побѣды и торжества надъ препятствіями. Это удовольствіе побуждаетъ нась и въ слѣдующій разъ прибѣгать къ подобному же способу сознательной волевой дѣятельности и отдавать ему предпочтеніе передъ всякими другими формами дѣятельности, напр., передъ дѣятельностью импульсивной, или въ силу привычки, инстинкта и т. д. Если же постоянно случается такъ, что цѣль практически недостижима, то послѣдствіемъ волевой дѣятельности будетъ непріятное чувство пораженія, которое, повторяясь слишкомъ часто, можетъ лишить ребенка всякой охоты затрачивать свои усилия (такъ какъ волевая дѣятельность требуетъ усилий), никогда ничѣмъ не вознаграждающіяся, и у него не будетъ тогда никакого стимула, который побуждалъ бы его отдавать предпочтеніе этому способу дѣятельности передъ всеми другими.

Развитіе воли, въ смыслѣ дѣятельности согласно умственно представляемымъ себѣ цѣлямъ, находится въ тѣсной зависимости отъ нашей способности представлениія, и потому всякий шагъ въ развитіи послѣдней даетъ возможность сдѣлать лишній шагъ впередъ и въ направленіи развитія воли. Чѣмъ шире способность представлениія, тѣмъ шире можетъ быть и воля, такъ какъ тѣмъ шире разрастается и объемъ тѣхъ цѣлей, которыхъ мы можемъ ставить себѣ одновременно, и тѣмъ болѣе отдаленными становятся эти цѣли въ порядкѣ своего достиженія. Если первоначально, при слабо развитой способности представлениія, могутъ

ставиться лишь тѣ цѣли, которыя непосредственно сейчасъ же и достигаются, то съ ростомъ способности представленія становятся возможными цѣли, которыя достигаются только на слѣдующій день, слѣдующій мѣсяцъ, слѣдующій годъ или даже черезъ нѣсколько лѣтъ. Такимъ образомъ, съ развитіемъ способности представленія дѣлаются возможными цѣли все болѣе далекія и достиженіе которыхъ требуетъ все больше и больше времени.

Но развитіе способности представленія обусловливаетъ также и то, что цѣли, которыя мы себѣ ставимъ, становятся все болѣе и болѣе сложными, до такой степени сложными, что каждая такая цѣль не можетъ быть осуществлена нами сразу, но по частямъ. И чѣмъ сложнѣе становится цѣль, тѣмъ на большее число составныхъ частей она принуждена бывать дробиться, причемъ каждая часть принимаетъ отчасти характеръ какъ бы отдельной, самостоятельной цѣли. Цѣли болѣе сложные представляютъ, очевидно, также и цѣли болѣе высокаго порядка. Установленіе гармоніи между своею жизнью и жизнью остального человѣчества, — цѣль, составляющая высшую задачу нравственности, есть также и цѣль самая сложная и вмѣстѣ съ тѣмъ цѣль самаго высокаго порядка, на достижениѣ которой нравственный человѣкъ посвящаетъ всю свою жизнь. Всѣ частныя цѣли, которыя онъ ставить въ своей жизни, являются для него, какъ составные элементы этой широкой и всеохватывающей цѣли.

Изъ всего предыдущаго становится яснымъ, что для того, что бы развить въ ребенкѣ волю и способствовать ея подъему на все болѣе и болѣе высокія ступени развитія, необходимо параллельно съ этимъ заботиться и о развитіи въ немъ способности представленія. Необходимость культивированія способности представленія становится еще болѣе осязательной, если имѣть въ виду не только развитіе воли вообще,

но и развитіе нравственной воли въ частности, т.-е. воли, ставящей своей задачей—установленіе все болѣе расширяющейся гармоніи между цѣлями. Безъ богатаго запаса систематизированныхъ представлений и безъ развитой способности связывать синтетически эти представлениія между собою—немыслимо установленіе гармоніи между цѣлями нашей жизни, такъ какъ каждая цѣль сводится къ совокупности тѣхъ или другихъ представлений. Надо располагать обильнымъ умственнымъ материаломъ, который доставляетъ человѣку научный и жизненный опытъ и наблюденіе, надо также располагать высоко развитою способностью къ анализу и критикѣ, а также и въ особенности къ синтетической, построительной, творческой дѣятельности мышленія, что бы быть въ состояніи въ самой широкой возможной степени установить гармонію цѣлей. Забота объ интеллектуальномъ развитіи, о культурѣ ума и притомъ всесторонней, а не односторонне направлennой, является существенно важной и необходимой не только въ интересахъ самого этого развитія, но и еще болѣе въ интересахъ развитія въ насъ воли и нравственныхъ стремленій. Жизнь отдѣльной личности, при прочихъ равныхъ условіяхъ, будетъ тѣмъ болѣе воплощать въ себѣ все возрастающую по своимъ размѣрамъ гармонію и тѣмъ болѣе будетъ плодотворна для человѣчества, чѣмъ выше интеллектуальное развитіе этой личности. Правильная гармоническая культура ума не только не ведетъ къ уменьшению въ насъ нравственныхъ задатковъ, но, напротивъ того, составляетъ необходимое предварительное условіе для того, чтобы эти задатки развернулись въ насъ пышнымъ цвѣтомъ и дали все, что они только могутъ дать.

Но, чтобы вести къ этой цѣли интеллектуальное воспитаніе должно быть именно гармоническимъ. Всѣ процессы интеллектуального развитія могутъ быть

разбиты нами на слѣдующія группы: на процессы воспріятія, памяти и творчества. И здѣсь слѣдуетъ стремиться къ тому, чтобы каждый изъ отмѣченныхъ процессовъ былъ развиваемъ въ надлежащей степени и наибольшей гармоніи со всѣми остальными. Воспитаніе должно поставить себѣ цѣлью — выработку человѣка, который обладалъ бы способностью съ наибольшою полнотою, точностью и ясностью воспринимать явленія окружающей его жизни, который могъ бы наиболѣе легко, свободно и на продолжительное время удерживать въ своей памяти все то, что ему приходится переживать и воспринимать, и который, наконецъ, въ наивысшей степени располагалъ бы даромъ творчески перерабатывать имѣющійся въ его распоряженіи психической матеріалъ, чтобы создавать изъ него болѣе совершенныя возможныя комбинаціи дѣйствительной жизни. Творчество есть высшая духовная способность, для которой память и воспріятіе доставляютъ только матеріалы, но было бы большой ошибкой культивировать ее чрезмѣрно въ ущербъ этимъ послѣднимъ. Если способность воспріятія и память будутъ слабо развиты, то психическое творчество найдетъ себѣ исходъ въ построеніи вымысловъ, лишенныхъ всякаго реального значенія и не могущихъ играть въ жизни никакой дѣятельной роли. Только тогда творчество можетъ имѣть наиболѣе плодотворное значеніе, когда оно связано съ нормально развитою способностью воспріятія и съ наиболѣе богатою памятью. Такой человѣкъ только дастъ обществу живые идеалы, которые являются образцами для дѣятельности другимъ людямъ.

Чтобы развить въ ребенкѣ способность къ правильному восприниманію окружающихъ его явленій, къ точному наблюденію ихъ, воспитать въ немъ умѣніе разумно пользоваться своимъ жизненнымъ опытомъ и развить привычку критического отношенія къ своей

прошлой жизни и сознательного руководительства свою будущую жизнью, намъ кажется, было бы полезно заставлять его, сначала при содѣйствіи взрослого, а потомъ, когда онъ научится свободно и легко писать и формулировать свои мысли, то и самому, записывать свои жизненные наблюденія, въ особенности если они принадлежать къ числу выходящихъ вонъ изъ ряда, и отдавать себѣ отчетъ о томъ, что было сдѣлано въ теченіе дня. Каждодневное записываніе взрослымъ подъ диктовку ребенка всего, такъ или иначе оставившаго слѣдъ въ его сознаніи, пріучаетъ ребенка къ точному наблюденію и къ ясному формулованію наиболѣе характерныхъ чертъ наблюдаемыхъ имъ жизненныхъ явлений. Конечно, взрослому придется отчасти наталкивать его, чтобы онъ обратилъ вниманіе на тѣ именно черты, которые дѣйствительно являются характерными. Жизненный фактъ, въ которомъ ребенокъ отдалъ себѣ такимъ образомъ вполнѣ ясный отчетъ, дѣйствительно станетъ его прочнымъ духовнымъ достояніемъ и навсегда запечатлѣется въ его памяти. Подобные записи можно будетъ отъ времени до времени перечитывать и онъ облегчать ребенку воспоминаніе о томъ, что съ нимъ прежде было. Это перечитываніе будетъ служить для него даже величайшимъ источникомъ наслажденія. Если же при этомъ позаботиться о томъ, чтобы жизнь ребенка была содержательна, чтобы ему дѣйствительно представлялась возможность дѣлать разностороннія наблюденія, то результатъ отъ подобной системы можетъ получиться только наилучшій.

Скажутъ, пожалуй,—такимъ путемъ вы разовьете изъ ребенка резонёра и вообще какое-то разсудочное существо. Однако, ничего подобного здѣсь не можетъ имѣть мѣсто. Рѣчь вовсе не идетъ о томъ, чтобы ребенокъ пересталъ думать и поступать по дѣтски, жить чисто дѣтскою жизнью, свойственною его возрасту, и напялилъ-бы на себя шкуру взрослого. Нѣтъ, пускай

ребенокъ живеть этою дѣтскою жизнью во всей ея полнотѣ, пусть дѣтскіе годы дадуть ему всѣ, что они только могутъ дать свѣтлого и хорошаго. Прочь резонѣрство и узкая разсудочность—они противны бываютъ даже и во взрослыхъ... Но записываніе своихъ наблюденій, правдивый отчетъ о фактахъ дѣйствительной жизни, о томъ, какъ проведенъ былъ день, что удалось въ теченіе дня сдѣлать, услышать или увидѣть,—рѣшительно не имѣеть ничего общаго съ резонѣрствомъ. Здѣсь не нужно никакихъ разсужденій и разглагольствованій, здѣсь требуется только сжатое, краткое и ясное изложеніе фактовъ, изъ котораго исключено всѣ лишнее и несущественное. Я пойду даже дальше и скажу, что подобное записываніе наблюденій гораздо скорѣе можетъ отучить человѣка отъ резонѣрства и разглагольствованій, пріучить его къ точному наблюденію и дастъ ему возможность впослѣдствіи всегда легко и свободно ориентироваться въ своей жизни и потому быть во всякую данную минуту способнымъ разумно и сознательно вмѣшаться въ жизнь и стать однимъ изъ дѣятельныхъ элементовъ ея преобразованія къ лучшему.— Затѣмъ, если вы, записывая проведенный ребенкомъ день, обращаете его вниманіе на то, какъ мало было сдѣлано въ теченіе дня, какъ онъ пусть по своему содержанію по сравненію съ такими то прошедшими днями, запись о которыхъ у васъ сохранилась и о которыхъ вы ему напоминаете, то и въ этомъ нѣть ничего, что воспитывало бы стремленіе къ резонерству. Наоборотъ, это можетъ только вызвать въ ребенкѣ стремленіе, чтобы слѣдующіе дни были болѣе полны и содержательны, такъ чтобы ему не пришлось жалѣть о нихъ. Если бы вамъ удалось воспитать въ ребенкѣ привычку чувствовать страданіе при мысли о безплодно проведенномъ времени, то вы оказали бы этимъ ему огромную пользу, вы предотвратили бы его отъ безплодной

непроизводительной растраты времени, которая составляетъ громадное зло въ наши дни.

Но, отмѣчая содержательность или безсодержательность дня, проведенного ребенкомъ, надо остерегаться измѣрять эту содержательность на аршинъ взрослого и становиться на точку зрењія тѣхъ требованій, которыя взрослый можетъ ставить къ жизни и человѣку. Тотъ день, который съ точки зрењія взрослого можетъ являться пустымъ и безсодержательнымъ, для ребенка можетъ быть полонъ и богатъ, и ребенокъ въ этомъ отношеніи будетъ правъ. Тѣ стороны жизни, которыя имѣютъ для ребенка развивающее значеніе и вліяютъ на развитіе его ума, чувства и воли, могутъ быть лишены для взрослого всякаго значенія. Вотъ почему, если вы при оцѣнкѣ проведенного дня упускаете изъ виду эту разницу точекъ зрењія и пытаетесь навязать ребенку вашу точку зрењія, до которой онъ еще не доросъ и на которую ему становится по-этому и не обязательно, то вы совершаете большую ошибку. Важно не то, чтобы ребенокъ научился стремиться къ болѣе содержательному дню съ вашей точки зрењія, но чтобы онъ стремился къ болѣе содержательному дню, какъ этотъ послѣдній представляется ему съ его точки зрењія. Когда онъ выростетъ, то будетъ стремиться сдѣлать день болѣе содержательнымъ, имѣя въ виду ваши требованія отъ жизни, а пока предоставьте ему судить о содержательности дня со своей чисто дѣтской точки зрењія, на которую каждому изъ насъ приходилось становиться въ свое время. Если вы будете поступать иначе, то рискуете добиться того, что ребенокъ перестанетъ и вовсе стремиться сдѣлать свой день содержательнымъ, съ какой бы точки зрењія эта содержательность не оцѣнивалась, или, если хотите, будетъ стремиться, но по принужденію, а не свободно. Всякий разъ поэтому, когда онъ почувствуетъ, что бдительность съ вашей стороны ослабѣла, когда

Ему тѣмъ или другимъ путемъ удастся освободиться отъ виѣшняго гнѣта, онъ будетъ стараться употребить свое время самымъ безсодержательнымъ и непроизводительнымъ образомъ. Подобныя стремленія рождаются всегда, когда чья-либо рука навязываетъ намъ планъ жизни, который мы не понимаемъ и которому не сочувствуемъ. При продолжительномъ порабощеніи въ этомъ отношеніи, какъ реакція, явится стремленіе жить безъ всякаго плана.

Каждый изъ насъ можетъ констатировать, какое слабое руководящее значеніе планъ наиболѣе содержательной и разумной жизни имѣть въ нашемъ существованіи и какъ, собственно говоря, трудно направлять свою жизнь согласно извѣстному плану. Мнѣ кажется, здѣсь могло бы быть очень полезно передъ началомъ дня намѣтать совмѣстно съ ребенкомъ предположительную программу этого дня, т. е. что именно должно быть и можетъ быть въ теченіе его сдѣлано. Если намѣченная такимъ образомъ программа не задается невозможными цѣлями и получаетъ каждый разъ свое практическое осуществленіе, то ребенокъ пріучится располагать свой день сообразно извѣстному плану и находить въ этомъ большое удовольствіе, такъ какъ нѣтъ больше удовольствія, какъ сознавать, что удалось выполнить ту задачу, которую самъ себѣ задалъ. Подобный планъ необходимо дѣлать вмѣстѣ съ ребенкомъ даже при каждой исполняемой имъ въ теченіе дня работѣ, такъ чтобы сама работа явилась, какъ заранѣе задуманное осуществленіе послѣдовательныхъ цѣлей, которыхъ послѣдовательность была предварительно имъ сознана. Конечно, все здѣсь будетъ зависѣть отъ того, насколько широко развитъ кругозоръ ребенка. Будучи первоначально способенъ составить планъ только для времени, ограниченного нѣсколькими минутами или часами, онъ понемногу сдѣлается способнымъ составить планъ для цѣлаго дня,

недѣли, мѣсяца, года, пока, наконецъ, ставши взрослымъ человѣкомъ, съ установившимся міросозерцаніемъ и нравственнымъ характеромъ, онъ будетъ въ состояніи выработать себѣ планъ всей своей будущей жизни, сообразно съ которымъ онъ будетъ оцѣнивать и располагать отдѣльныя задачи, которыя онъ ставить себѣ каждый день.

Въ этомъ отношеніи надо съ малыхъ лѣтъ воспитывать въ человѣкѣ творческое отношеніе къ практической жизни, надо пріучить человѣка смотрѣть на каждый проведенный имъ день въ жизни, канувшій въ вѣчность, какъ на продуктъ его творчества, какъ на созданіе, выходящее изъ его рукъ или которое могло бы въ значительной степени выходить изъ его рукъ. Пусть человѣкъ на каждый день своей жизни смотритъ, какъ на художественное произведеніе, и научится находить свое высшее удовольствіе въ томъ, чтобы эта творческая работа рукъ его воплощала въ себѣ истину и красоту и являлась бы высокимъ выражениемъ нравственного идеала. Если не всякий бываетъ художникомъ въ области такъ называемаго искусства, въ узкомъ смыслѣ этого слова, то всякий, наоборотъ, можетъ и долженъ быть художникомъ въ сферѣ практической жизни. Всякий является до извѣстной степени творцомъ своей собственной жизни и надо заботиться о томъ, чтобы произведеніе этого высшаго изъ всѣхъ искусствъ, искусства сознательной и разумной жизни, дѣйствительно было таково, чтобы имъ можно было гордиться. Каждый день нашей жизни есть только часть того громаднаго художественнаго созданія, которое мы творимъ день за днемъ въ теченіе всей своей жизни, и которое во всей полнотѣ открывается намъ только въ моментъ разставанія съ земнымъ существованіемъ. Нѣть ничего выше идеи человѣка, ставшаго творцомъ своей собственной жизни, но кто изъ насъ можетъ сказать, что онъ былъ истиннымъ

художникомъ въ этой области и употребилъ во благо заложенные въ немъ творческія способности! Легче, тысячу разъ легче написать умную книгу, сочинить великолѣпную симфонію, нарисовать превосходную картину, чѣмъ оставить людямъ образецъ жизни, служащей воплощенiemъ идеальной красоты и нравственнаго совершенства. И вотъ тѣ творческія способности, которыя надо культивировать въ людяхъ! Нужны прежде всего не столько хороши музиканты, не столько хороши ученые, сколько хороши люди. Нужна прежде всего не столько способность сочинять книги или оперы, сколько способность творить и создавать новыя теченія жизни. Если бы эта способность развивалась въ нась съ малыхъ лѣтъ, то мы давно бы уже имѣли въ этой области много художественныхъ сознаній, которыя могли бы вызывать нашъ неподдѣльный восторгъ и передъ которыми всѣ произведенія такъ называемаго искусства явились бы пустою и ничтожною забавой. Научимся-же смотрѣть на себя и на нашу жизнь съ этой точки зрѣнія и тогда, право, она приобрѣтѣ для нась больше смысла, разумности и значенія!.. Если человѣку дѣйствительно удастся стать творцомъ своего собственного существованія, то это будетъ имѣть своимъ послѣдствиемъ только увеличеніе интереса къ самой жизни. У человѣка больше будетъ охоты жить на бѣломъ свѣтѣ, когда онъ будетъ имѣть возможность сознательно направлять жизненный процессъ и регулировать его, а не плыть противъ воли, повинуясь непроизвольному теченію жизни, въ сторону, противоположную своимъ завѣтнымъ стремленіямъ и надеждамъ.

Всё это и объясняетъ, почему съ самыхъ малыхъ лѣтъ, какъ только представится къ этому возможность, надо заботиться о доставленіи дѣтямъ въ возможно болѣе широкихъ размѣрахъ практики сознательного вмѣшательства въ жизненные события и о воспитаніи

въ нихъ привычки къ направленію своей жизни сообразно съ извѣстнымъ планомъ. Только надо при этомъ заботиться также и о томъ, чтобы человѣкъ не пріучался разсматривать планъ, какъ нѣчто неизмѣнное и разъ навсегда данное, не допускающее никакихъ поправокъ и измѣненій. Напротивъ, онъ долженъ воспитать въ себѣ привычку отъ времени до времени критически провѣрять цѣлесообразность своего плана жизни и вносить въ него необходимыя поправки и дополненія, соотвѣтственно съ расширившимся пониманіемъ жизни; и даже болѣе того, готовность отказаться отъ своего плана, если бы послѣ критической проверки онъ оказался никуда негоднымъ. Однимъ словомъ, планъ жизни не долженъ быть воздвигаемъ въ непреложный догматъ, но долженъ подлежать прогрессу соотвѣтственно съ развитіемъ нашего ума и обогащеніемъ нашего житейскаго опыта. „Человѣкъ съ планомъ“, надъ созданіемъ котораго работаетъ воспитаніе, отнюдь не долженъ быть доктринеромъ и догматикомъ. Планъ жизни только тогда и можетъ имѣть наиболѣе плодотворное значеніе, когда подвергается постояннымъ исправленіямъ, иначе же онъ станетъ для дѣйствительной жизни Прокуствомъ ложемъ и поведетъ къ уродованію и искаженію этой жизни. Такая способность критического отношенія и готовность къ видоизмѣненію принятыхъ нѣкогда способовъ и приемовъ жизни и дѣятельности и обычнаго порядка въ ежедневномъ теченіи дня тоже должна быть развиваема въ ребенкѣ, какъ только къ этому явится возможность.

Относительно плана жизни слѣдуетъ отмѣтить, что чѣмъ болѣе широкій періодъ времени онъ охватываетъ, тѣмъ болѣе становится неопредѣленнымъ. Планъ всей послѣдующей жизни не можетъ носить такого опредѣленного характера, какъ планъ завтрашняго дня моей жизни. Но этотъ болѣе опредѣленный планъ завтраш-

няго дня всегда долженъ быть вырабатываемъ сообразно съ неопределеннымъ планомъ всей жизни. Цѣли, которыя мнѣ хотѣлось бы осуществить въ теченіе всего своего земного существованія должны служить руководящимъ началомъ въ выборѣ тѣхъ частныхъ цѣлей, достиженіе которыхъ я себѣ намѣчаю въ предѣлахъ одного дня своей жизни. Такимъ образомъ, на ряду съ общимъ планомъ жизни человѣкъ долженъ создавать себѣ также и рядъ плановъ, охватывающихъ его жизнь въ предѣлахъ послѣдовательно всѣ болѣе и болѣе съзывающагося промежутка времени и которые становятся тѣмъ определеннѣе и яснѣе, чѣмъ на меньшій промежутокъ времени они простираются, пока такимъ образомъ онъ не дойдетъ до плана, охватывающаго только одинъ день его существованія и допускающаго поэтому наибольшую ясность и определенность.

Изъ высказанныхъ ранѣе соображеній о развитіи воли вообще и нравственной воли въ частности, мнѣ кажется, можно вывести слѣдующія практическія правила.

1. Полезно упражнять ребенка въ отысканіи связи между различными цѣлями, которыя ему приходится себѣ ставить, такъ чтобы онъ пріучился смотрѣть на каждую цѣль, какъ на одинъ изъ составныхъ элементовъ одной системы цѣлей; пріучился бы спрашивать себя, находится ли эта цѣль въ гармоніи со всѣми остальными его цѣлями или противорѣчить имъ, и если противорѣчить, то въ чёмъ именно. Однимъ словомъ, надо пріучить его разматривать каждую цѣль не отдельно и изолированно, а въ связи со всею совокупностью цѣлей. Само собою понятно, что это можетъ быть дѣлаемо только въ томъ размѣрѣ, въ какомъ самыя цѣли могутъ быть охвачены ребенкомъ въ одной системѣ, и кромѣ того надо, чтобы ребенокъ сравнивалъ между собою тѣ именно цѣли, которыя онъ

самъ ставить, а не тѣ, которыя взрослый хотѣлъ бы навязать ему.

2. Отыскиваніе связи между цѣлями и сравненіе цѣлей между собою должны производиться самимъ ребенкомъ, а не взрослымъ за него. Взрослый долженъ только помогать ему, т. е. только наталкивать и наводить его, а онъ долженъ самъ находить тѣ черты согласія или противорѣчія, которыя существуютъ между отдѣльными цѣлями. Если вы будете анализъ и сопоставленіе цѣлей производить за ребенка, то въ немъ не воспитается привычка къ подобному анализу и сопоставленію, привычка, составляющая необходимое основаніе въ развитіи нравственнаго характера.

3. Пріучайте также ребенка къ сравненію и сопоставленію между собою тѣхъ цѣлей, которыя онъ себѣ ставитъ, и тѣхъ средствъ, которыя выбираетъ для ихъ достиженія. Выбранныя средства могутъ быть разсматриваемы тоже какъ цѣли, но только какъ цѣли ближайшія, ведущія къ достижению цѣлей болѣе отдаленныхъ. Принципъ гармоніи цѣлей требуетъ поэтому, чтобы между средствомъ и цѣлью существовала наибольшая гармонія и чтобы они не находились между собою въ антагонизмѣ. Если средства противорѣчатъ цѣли, то, съ нравственной точки зрѣнія, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть сказано, что „цѣль оправдываетъ средства“. Да, если хотите, можно, пожалуй, и допустить, что цѣль оправдываетъ средства, но только въ той мѣрѣ, въ какой эти средства не противорѣчатъ цѣли и не уничтожаютъ её. Если же средства противорѣчатъ самой цѣли, то никакая цѣль не можетъ ихъ оправдать. Доведенный до крайности принципъ „цѣль оправдываетъ средства“ есть глубоко безнравственный принципъ, такъ какъ идетъ въ разрѣзъ съ основнымъ требованіемъ, которое нравственность ставить человѣку, а именно съ требованіемъ стремиться къ наибольшей гармоніи всѣхъ цѣ-

лей между собой. Вотъ почему съ малыхъ лѣтъ надо поселять въ ребенкѣ отвращеніе къ этому принципу, привычку не считать безразличнымъ характеръ тѣхъ средствъ, которыя выбираются для достижения цѣли, но выбирать изъ всѣхъ средствъ именно тѣ, которыя въ наименьшей степени противорѣчатъ самой цѣли, если выборъ средствъ, вполнѣ гармонирующихъ съ цѣлью, почему-либо невозможенъ.

Въ дѣлѣ нравственного воспитанія представляется весьма важнымъ вопросъ о классификаціи цѣлей, а также и вопросъ о тѣхъ видоизмѣненіяхъ, которыя система цѣлей претерпѣваетъ въ теченіе индивидуальной жизни, т. е. какимъ образомъ эта система расширяется или съуживается и гармонія цѣлей становится болѣе совершенной или менѣе совершенной. Въ этомъ отношеніи интересно было бы хотя приблизительно начертать такую систему цѣлей для различныхъ періодовъ жизни человѣка.

Всякая классификація предполагаетъ известный принципъ, положенный въ ея основу, принципъ, выражающій ту точку зрењія, съ которой данная классификація производится. Съ какой-же точки зрењія слѣдуетъ производить классификацію цѣлей?

Цѣли можно классифицировать или по степени ихъ широты, т. е. сообразно съ количествомъ живыхъ существъ, которыя имѣются въ виду при ихъ достижениіи, или по степени ихъ отдаленности во временин, или по качественному ихъ характеру и т. д. Всѣхъ возможныхъ способовъ классификаціи мы не беремся исчерпать, такъ какъ точки зрењія, сообразно которымъ группируются цѣли, могутъ быть крайне разнообразны. Важно, конечно, выбрать классификацію наиболѣе естественную, т. е. соответствующую дѣйствительному порядку развитія самихъ цѣлей. Что касается развитія цѣлей, то въ этомъ отношеніи можетъ быть отмѣченъ слѣдующій фактъ: чѣмъ болѣе развивается система цѣ-

лей, тѣмъ болѣе цѣли становятся широкими по своимъ размѣрамъ, охватывая все большее и большее количество живыхъ существъ, вмѣстѣ съ тѣмъ они становятся все болѣе отдаленными въ порядкѣ ихъ достижения и принимаютъ все болѣе отвлеченныи и идеальный характеръ.

Послѣ всѣхъ этихъ предварительныхъ замѣчаній попробуемъ намѣтить себѣ примѣрную классификацію всѣхъ цѣлей человѣческой жизни въ порядкѣ ихъ возрастающей сложности и высоты. Намъ придется при этомъ перейти за предѣлы собственно такъ называемаго дѣтскаго возраста и мы можемъ считать себя въ правѣ сдѣлать это съ тѣмъ большимъ основаніемъ, что нравственное воспитаніе не есть дѣло, ограничивающееся только этимъ возрастомъ, но есть и должно быть дѣломъ всей жизни человѣка. Не придавая нашей классификациіи окончательнаго значенія, мы думаемъ, что она можетъ тѣмъ не менѣе послужить прекрасной иллюстраціей для того принципа гармоніи цѣлей, о которомъ мы говорили въ началѣ нашей статьи. Это обстоятельство и побуждаетъ насъ, несмотря на всѣ недостатки, сознаваемыя нами, изложить ее передъ читателемъ.

По роду и количеству тѣхъ живыхъ существъ, которыя имѣются въ виду при достижениіи цѣлей, всѣ цѣли могутъ быть разбиты на двѣ большія группы: 1) на тѣ цѣли, въ которыхъ центромъ тяжести является наша собственная личность, и 2) на тѣ цѣли, центръ тяжести которыхъ лежитъ вѣнѣ нашей личности, въ большей или меньшей совокупности находящихся вѣнѣ насъ живыхъ существъ. Что касается послѣднихъ, то широта ихъ будетъ, конечно, находиться въ зависимости отъ количества охватываемыхъ ими существъ. Они могутъ относиться или къ одному существу, или къ небольшой группѣ живыхъ существъ (напр. къ семье, къ кружку товарищѣй), или къ болѣе широкой группѣ,

въ которую данная группа входитъ, какъ составная часть (напр.: къ извѣстному народу, къ которому принадлежитъ данная личность), или къ самой широкой группѣ высшихъ существъ, намъ подобныхъ, которую мы называемъ именемъ человѣчества, пока, въ конечномъ предѣлѣ, онѣ не распространяются на совокупность всѣхъ живыхъ существъ, или на весь міръ. До какой степени широты можетъ достигнуть названная группа цѣлей будетъ зависѣть отъ той степени развитія, которой достигли въ данную минуту человѣчество и отдѣльная личность.

Обратимся теперь къ болѣе подробному подраздѣленію каждой изъ названныхъ группъ.

Что касается тѣхъ цѣлей, въ которыхъ центромъ тяжести является само лицо, ставящее цѣль, то здѣсь прежде всего можно отмѣтить, въ порядкѣ ихъ возрастающей сложности, слѣдующія три главныя подгруппы: 1) цѣли, въ которыхъ имѣется въ виду наше *самосохраненіе*, 2) цѣли, въ которыхъ имѣется въ виду *доставленіе себѣ счастья*, и 3) цѣли, предметомъ которыхъ является *совершенствованіе* или *развитіе* самого лица, ставящаго цѣль.

Чтобы имѣть возможность дѣлать чтобы то ни было для себя-ли или для другихъ прежде всего необходимо существовать и быть въ состояніи оградить свое существованіе отъ всѣхъ враждебныхъ ему вліяній, отъ всего того, что имѣеть тенденцію прекратить нашу жизнь и наше существованіе. Въ этомъ смыслѣ забота о своемъ самосохраненіи составляетъ одну изъ необходимѣйшихъ цѣлей нашей дѣятельности и эта цѣль не утрачиваетъ своего значенія никогда, какъ бы высоко ни поднялся человѣкъ по лѣстницѣ духовнаго и нравственного развитія. Разница только въ томъ, что существо низменное, знакомое только съ одними животными потребностями, заботится о сохраненіи своей жизни для того, чтобы имѣть возможность удовлетво-

рять свои животныя побужденія, а существо, высоко-развитое въ нравственномъ отношеніи, заботится о со-храненіи своей жизни, чтобы сдѣлать её орудіемъ до-стиженія нравственныхъ идеаловъ, чтобы сдѣлать её источникомъ наибольшаго тепла и свѣта для окружаю-щихъ людей. Но необходимость заботиться о своемъ самосохраненіи одинаково тяготѣеть какъ надъ нимъ, такъ и надъ самымъ ничтожнымъ микроскопическимъ существомъ, одаренномъ жизнью.

Чтобы существованіе было возможно необходима на-личность извѣстной совокупности жизненныхъ условій. Организмъ долженъ получать отъ времени до времени извѣстное количество опредѣленной пищи, долженъ имѣть возможность сохранять на извѣстной степени свойственную ему животную теплоту, находиться въ средѣ, имѣющей извѣстную степень тепла, влажности и въ надлежащей степени освѣщенности. Опредѣленіе тѣхъ жизненныхъ условій, которыя необходимы для сохраненія организма и для успешной борьбы его съ враждебными вліяніями, и вообще всего того, что тре-буется, чтобы сдѣлать организмъ наиболѣе стойкимъ въ этой борьбѣ, составляетъ главный предметъ гигіе-ны, которая наряду съ общими отмѣчаетъ и тѣ осо-бенные условия, которыя необходимы для различныхъ возрастовъ жизни человѣка. Очевидно, напр., что ги-гіена первого дѣтства не можетъ быть вполнѣ одинакова съ гигіеной зрѣлаго возраста. Что касается ре-бенка, то въ первые годы его существованія почти всѣ заботы о сохраненіи его жизни падаютъ на по-стороннихъ людей, т. е. на мать, отца и т. д. и толь-ко по мѣрѣ того, какъ онъ становится старше, онъ начинаетъ мало-по-малу принимать всѣ больше и боль-ше участія въ заботахъ о самосохраненіи. И, конечно, взрослый, какъ только представится къ этому возмож-ность, необходимо долженъ пріучать его къ подобнымъ заботамъ. Если ребенокъ научится въ достаточной сте-

пени самъ заботиться о себѣ, то вы гораздо легче убережете его отъ всего вреднаго, чѣмъ если вамъ придется постоянно за него бодрствовать. Способность къ самосохраненію должна быть культивируема какъ можно раньше; и, какъ только представится къ этому возможность, надо стремиться къ тому, чтобы забота о самосохраненіи велась разумно и рационально. Въ этомъ отношеніи очень полезно сообщать ребенку въ популярной формѣ различныя свѣдѣнія изъ гигиены, такъ чтобы каждая усвоенная имъ привычка въ видахъ самосохраненія получила для него разумный смыслъ и значеніе. Тогда, быть можетъ, намъ не пришлось бы встрѣчаться съ столь сильно распространеннымъ фактомъ неспособности даже взрослыхъ людей въ надлежащей степени заботиться о своемъ самосохраненіи. Повторю еще разъ, въ заботахъ о самосохраненіи рѣшительно нѣтъ ничего предосудительного и отталкивающаго и онѣ не имѣютъ ничего общаго съ эгоизмомъ. Дадите ли вы въ себѣ просторъ эгоистическимъ или альтруистическимъ чувствамъ, будете ли вы смотрѣть на себя, какъ на центръ вселенной, какъ на фокусъ, куда долженъ быть собранъ весь свѣтъ со всего міра, или же какъ на источникъ свѣта, который долженъ распространить свой свѣтъ во всѣ стороны,—и въ томъ и другомъ случаѣ предъ вами встанетъ роковая необходимость существованія. Не бойтесь поэтому научить своихъ дѣтей въ достаточной мѣрѣ заботиться о своемъ существованіи. Въ особенности жѣ, если вы при этомъ внушаете имъ мысль о томъ высокомъ нравственномъ назначеніи, которое имѣеть человѣческая жизнь, то въ вашихъ стараніяхъ привить имъ въ надлежащей степени науку и искусство самосохраненія рѣшительно ничего не можетъ быть опаснаго.

Слѣдующая подгруппа рассматриваемыхъ нами цѣлей охватываетъ цѣли, въ которыхъ имѣется въ виду до-

ставленіе человѣкомъ самому себѣ счастья. Сюда относится стремленіе ко всему тому, что намъ приносить удовольствіе или избавляетъ отъ страданія, стремленіе къ обладанію какимъ-либо предметомъ или къ совершенію какой-либо дѣятельности исключительно только во имя этого мотива. Этотъ мотивъ играетъ большую роль въ жизни ребенка и сохраняетъ свое значеніе и въ жизни взрослого. Самъ по себѣ, какъ безобидное стремленіе къ счастью, этотъ мотивъ не представляетъ ничего преступнаго и опаснаго. Каждое существо имѣеть право на счастье и никакихъ нѣть основаній кому бы то ни было запрещать стремиться къ нему. Опаснымъ дѣлается этотъ мотивъ только тогда, когда онъ становится исключительнымъ, получаетъ господство надъ всѣми другими мотивами и вытѣсняетъ ихъ совершенно. Существенно важнымъ, поэтому, представляется обращать вниманіе ребенка даже съ малыхъ лѣтъ на тѣ ограниченія, которымъ должно подлежать стремленіе къ счастью для того, чтобы впослѣдствіи оно не переходило за предѣлы, за которыми оно начинаетъ становиться грубымъ ненавистнымъ эгоизмомъ. И здѣсь надо стараться также о томъ, чтобы личное счастье служило для человѣка стимуломъ къ умноженію счастья среди другихъ людей, чтобы на счастье человѣкъ смотрѣлъ какъ на одно изъ средствъ наиболѣе успешной и плодотворной работы среди человѣчества и для человѣчества, какъ на одно изъ условій поднятія энергіи жизни и труда. Если надо существовать и жить и, слѣдовательно, заботиться о самосохраненіи для того, чтобы имѣть возможность работать для другихъ, то надо быть счастливымъ и, слѣдовательно, надо до нѣкоторой степени стремиться къ полученію удовольствій и избѣжанію страданій, чтобы имѣть возможность болѣе энергично, болѣе успешно и болѣе плодотворно работать для другихъ людей. Вотъ та точка зрењія, съ какой надо пріучить человѣка смотрѣть

на стремленіе къ счастью. Становись на эту точку зрењія, онъ всегда усмотрить тотъ предѣлъ, за которымъ личное счастье становится недозволеннымъ, и никогда не допустить себя перешагнуть за этотъ предѣлъ. Зачѣмъ безъ нужды дѣлать жизнь свою мрачной и обращаться въ аскета. Аскетизмъ и мрачность вовсе не составляютъ лучшаго средства для поднятія энергіи труда. Человѣкъ, жизнь которого свѣтла и полна радостей, лучше пойметъ значеніе счастья въ жизни другихъ людей и съ болѣй охотой будетъ работать, чтобы сдѣлать жизнь этихъ людей краше. Когда мы чрезмѣрно счастливы, какъ это бываетъ, напр., тогда, когда мы впервые познакомились съ сладкимъ чувствомъ взаимной любви, то намъ хочется осчастливить весь міръ, всѣ люди намъ кажутся братьями, каждого мы готовы прижать отъ избытка чувствъ къ своему сердцу и сдѣлать ему что-нибудь хорошее. Если только вы стараетесь развить въ ребенкѣ нравственные стремленія, то, повѣрьте, что счастье, если даже оно будетъ составлять одну изъ цѣлей его дѣятельности, не можетъ оказать на него вреднаго вліянія, оно заставитъ его только любовнѣе смотрѣть на міръ и людей. Но, конечно, если вы на развитіе нравственныхъ стремленій не обращаете вниманія, если вы не внушаете ему постоянно ту мысль, что онъ долженъ стремиться къ тому, чтобы составить съ человѣчествомъ и міромъ одно гармоническое цѣлое, чтобы его жизнь стала однимъ изъ условій развивающейся жизни человѣчества,—если вы, наоборотъ, укрепляете его въ томъ убѣждениіи, что его интересы противоположны интересамъ человѣчества и что гармоніи между тѣми и другими не можетъ быть по самому существу, — тогда, поддерживая въ немъ стремленіе къ счастью, вы рискуете воспитать изъ него узкаго и черстваго эгоиста.

Перейдемъ теперь къ третьей подгруппѣ разматриваемыхъ нами цѣлей, охватывающихъ стремленіе къ

самосовершенствованію и саморазвитію. Это уже цѣли болѣе высокаго порядка, чѣмъ стремленіе къ счастью. Можно показать, впрочемъ, что стремленіе къ саморазвитію есть только одна изъ болѣе высокихъ формъ, которая принимаетъ стремленіе къ счастью. Человѣкъ получаетъ удовольствіе не только вслѣдствіе обладанія тѣми или другими предметами, но существеннымъ образомъ отъ тѣхъ или другихъ дѣятельностей, отъ работы тѣхъ или другихъ органовъ своего тѣла. Каждый органъ, если онъ долго находился въ покоѣ, представляеть какъ бы накопленную активность, которая требуетъ своего обнаруженія и обнаруженіе которой сопровождается высокимъ чувствомъ удовольствія. Но, дѣйствуя, органъ упражняется и становится вслѣдствіе этого болѣе совершеннымъ. Дѣятельность является однимъ изъ основныхъ источниковъ счастья человѣка. Первоначально на долю человѣка выпадаетъ это счастье только вслѣдствіе чисто случайного обнаруженія какой либо дѣятельности, безъ всякой преднамѣренности съ его стороны, благодаря только тому давленію, которое оказываетъ на него накопленная активность въ той или другой части его организма. Но, когда человѣкъ начинаетъ подмѣчать получающійся въ силу такой дѣятельности результатъ, состоящій въ совершенствованіи тѣхъ или другихъ органовъ его организма и самого организма, какъ цѣлаго, дѣятельность его изъ случайной становится всѣ болѣе и болѣе систематической, и совершенствованіе организма, развитіе его выдвигается на передній планъ, какъ одна изъ цѣлей волевой дѣятельности человѣка. Не надо предполагать, что эта цѣль должна принять только характеръ физіологического совершенствованія организма, такъ какъ на ряду съ дѣятельностями чисто физіологического характера существуютъ также дѣятельности, которые не утрачивая своего физіологического характера, имѣютъ вмѣстѣ съ тѣмъ и психическое значеніе. То, что съ физіологиче-

скай точки зрењія представляє совершенствованіе мозгового апарату; съ психической точки зрењія является, какъ развитіе сознанія.

Самосовершенствованіе и саморазвитіе представляютъ опять таки одну изъ тѣхъ цѣлей, которыя сохраняютъ свое значеніе въ теченіе всей человѣческой жизни, но никогда, быть можетъ, они не получаютъ такого преобладанія, какъ въ юношескомъ возрастѣ. Требуя со стороны человѣка систематическихъ усилій, эти цѣли представляютъ прекрасную школу для развитія воли, для пріученія человѣка къ обдуманной планомѣрной дѣятельности. Здѣсь человѣкъ научается быть творцомъ самого себя, лучшаго себя, чѣмъ онъ есть, для того, чтобы впослѣдствіи стать творцомъ новыхъ общественныхъ формъ и нового человѣчества. Только научившись создавать нового человѣка внутри себя, человѣкъ можетъ считать себя пригоднымъ для созданія нового человѣчества и нового общества; только научившись систематически работать надъ своимъ саморазвитіемъ, человѣкъ будетъ въ состояніи примѣнить свои усилія къ плодотворной, цѣлесообразной работе надъ развитіемъ соціальной и общечеловѣческой жизни. Саморазвитіе составляетъ необходимую подготовительную школу для широкой общественной дѣятельности. Прошедшій эту школу будетъ лучше и болѣе успѣшно работать, чѣмъ не прошедшій ея.

И здѣсь надо также обращать вниманіе на то, чтобы это стремленіе къ саморазвитію не приняло характера исключительной цѣли и не перешло за тѣ предѣлы, когда оно начинаетъ пріобрѣтать эгоистическій оттѣнокъ и ведетъ къ самолюбованію и къ самоуслажденію. Если жить и существовать надо для того, чтобы работать для другихъ, если счастливымъ надо быть для того, чтобы съ большей энергией работать для другихъ, то развитымъ и совершеннымъ надо быть для того, чтобы болѣе совершеннымъ образомъ, болѣе произво-

дительно работать для этихъ другихъ людей. Эту послѣднюю мысль надо постоянно внушать человѣку, заботящемуся о своемъ саморазвитіи. Надо постоянно говорить ему: „Стремись быть болѣе совершеннымъ, развивай самого себя, но дѣлай это все не исключительно только ради самого себя, а для того, чтобы впослѣдствіи стать болѣе совершеннымъ и умѣлымъ служителемъ добра и правды на широкой нивѣ общечеловѣческой жизни. Совершенствуя себя и развивай свои силы, чтобы достигнувъ высшей возможной степени совершенства и развитія посвятить себя на великое дѣло установленія гармоніи среди человѣчества. Это дѣло требуетъ многихъ работниковъ и чѣмъ искуснѣе работникъ, тѣмъ плодотворнѣе будетъ его работа въ этомъ отношеніи. Забочься о своемъ саморазвитіи всегда помни, что ты это дѣлаешь не для того, чтобы когда нибудь впослѣдствіи поднять гордо голову и сказать окружающимъ тебя людямъ: глядите на меня, любуйтесь мною, поклоняйтесь мнѣ, посмотрите, какъ я поднялся высоко до предѣловъ божественнаго!.. Нѣть, а для того, чтобы скромно стать въ ряды тружениковъ на общее дѣло, чтобы свои болѣе совершенныя силы соединить съ силами другихъ на благо человѣчества“. Если въ своихъ стремленіяхъ къ саморазвитію человѣкъ не упускаетъ изъ виду того общественнаго значенія, которое имѣютъ эти стремленія, то кромѣ благотворныхъ результатовъ не можетъ получиться рѣшительно ничего.

Обратимся теперь къ той группѣ цѣлей, въ которой человѣкъ центръ тяжести своихъ стремленій помѣщаетъ виѣ себя. Эти цѣли равнымъ образомъ могутъ быть разбиты на три подгруппы: 1) на цѣли, въ которыхъ имѣется въ виду *содѣйстїе самосохраненію другихъ живыхъ существъ*, главнымъ образомъ людей; 2) на цѣли, въ которыхъ имѣется въ виду *доставленіе счастья окружющимъ насъ людямъ* и 3) на цѣли, главный

предметъ которыхъ составляютъ заботы, направленныя на *развитіе и совершенствованіе окружавшихъ насъ людей* или на доставленіе имъ возможности развитія и совершенствованія. Каждая изъ этихъ подгруппъ въ свою очередь допускаетъ подраздѣленіе, въ зависимости отъ количества живыхъ существъ, ка которыя данная цѣль распространяется.

Такимъ образомъ, напр., что касается содѣйствія самосохраненію другихъ живыхъ существъ, то оно можетъ распространяться на небольшую группу живыхъ существъ, какъ-то семью, кружокъ друзей или товарищей и т. д., можетъ касаться такой большой группы, какъ, напр., известнаго народа и можетъ, наконецъ, относиться ко всему человѣчеству.

Цѣли, въ которыхъ имѣется въ виду содѣйствовать самосохраненію членовъ, составляющихъ данный семейный союзъ, сводятся приблизительно къ слѣдующимъ категоріямъ: 1) заботы о доставленіи семьѣ материальныхъ средствъ къ существованію, 2) заботы о гигіенической обстановкѣ и гигіеническихъ условіяхъ домашней жизни (сюда включается веденіе домашняго хозяйства, заботы о гигіенической квартирѣ, о снабженіи всѣхъ членовъ семьи гигіеническою одеждой, о доставленіи имъ гигіенической пищи, о пріобрѣтеніи ими тѣхъ или другихъ привычекъ, сообразныхъ съ требованіями гигіиены и т. д.) и 3) заботы о томъ, чтобы члены семьи были какъ можно тѣснѣе сплочены другъ съ другомъ. Послѣднее составляетъ необходимое условіе для самосохраненія семьи, какъ цѣлаго, и для болѣе успѣшнаго самосохраненія каждого изъ ея членовъ.

Если содѣйствіе самосохраненію распространяется на болѣе широкій кругъ, напр. на известный народъ, то оно сводится въ общихъ чертахъ къ слѣдующему: 1) къ заботѣ о томъ, чтобы народъ, какъ цѣлое, располагалъ наибольшею суммою материальныхъ средствъ,

наибольшимъ количествомъ сырыхъ материаловъ и наибольшимъ количествомъ орудій труда для обеспече-
нія своего экономического существованія; 2) къ забо-
тѣ о томъ, чтобы производимыя народомъ богатства
были распредѣлены равномѣрно, такъ чтобы каждый
имѣлъ возможность устроить свою жизнь сообразно
съ требованіями гигіеніи, чтобы у каждого была хо-
рошая квартира, хорошая одежда и хорошая пища и
чтобы каждый могъ усвоить себѣ навыки, соотвѣт-
ствующія гигіеническому образу жизни. И, наконецъ,
3) къ заботѣ о томъ, чтобы народъ дѣйствительно
представлялъ изъ себя одно тѣсно сплоченное поли-
тическое цѣлое, которое съ наибольшою солидарностью
всѣхъ своихъ членовъ соединяло бы наибольшую са-
модѣятельность каждого изъ нихъ, потому что только
подобный политический союзъ можетъ быть въ наи-
большей степени способенъ какъ къ сохраненію са-
мого себя, такъ и къ сохраненію каждого изъ своихъ
членовъ среди окружающихъ неблагопріятныхъ ус-
ловій.

Если теперь мы предположимъ, что содѣйствіе са-
мосохраненію распространилось на все человѣчество,
то эта общая цѣль сведется приблизительно къ слѣ-
дующимъ задачамъ: 1) къ заботѣ о наибольшемъ раз-
витіи материальныхъ средствъ производства, о наи-
большемъ подъемѣ производительности физического
труда и связанномъ съ нимъ наибольшемъ производ-
ствѣ материальныхъ богатствъ; 2) къ заботѣ о равно-
мѣрномъ распредѣлѣніи материальныхъ благъ между
отдѣльными народами и отдѣльными лицами, ихъ со-
ставляющими, распредѣлѣніи, которое давало бы каж-
дому возможность обеспечить свое материальное су-
ществованіе и предохранить себя отъ гибели среди
неблагопріятныхъ жизненныхъ условій. И, наконецъ,
3) къ заботѣ о томъ, чтобы сплотить все человѣче-
ство въ одинъ широкій союзъ гармонически между со-

бою связанныхъ людей, въ которомъ сила ни одного бы человѣка не пропадала напрасно, будучи парализована прямою или косвенною борьбою съ силою другого человѣка, но въ которомъ бы силы всѣхъ людей соединились вмѣстѣ для послѣдней и окончательной борьбы и побѣды человѣка надъ природою. Результатомъ такой планомѣрной и сознательной борьбы всего человѣчества съ природою будетъ достиженіе такихъ условій, которыя въ наибольшей мѣрѣ способны обеспечить какъ самосохраненіе отдѣльного человѣка, такъ и всего человѣчества. Но борьба съ природою въ сущности сведется къ отысканію тѣхъ способовъ, при помощи которыхъ между человѣкомъ и природою могла бы быть достигнута наибольшая кооперациѣ и гармонія. Поэтому борьба человѣчества съ природою въ конечномъ итогѣ своемъ будетъ имѣть гармонический союзъ всего человѣчества съ природою, или, выражаясь иначе, достиженіе *всеобщей мировой гармонії*, составляющей самый высшій идеалъ, до котораго только можетъ подняться религіозное или метафизическое творчество.

Слѣдующая подгруппа разбираемыхъ нами цѣлей охватываетъ всѣ цѣли, предметомъ которыхъ является доставленіе счастья окружающимъ насъ людямъ. Она также дробится въ зависимости отъ количества и характера людей, которые имѣются въ виду при преслѣдованіи означенныхъ цѣлей. Если дѣло идетъ о той небольшой группѣ людей, которая называется семьею, то цѣли, предметъ которыхъ составляетъ доставленіе счастья, могутъ быть разбиты на слѣдующія категоріи: 1) заботу о томъ, чтобы каждый членъ семьи имѣлъ возможность удовлетворять всѣмъ своимъ потребностямъ, склонностямъ и вкусамъ, потому что въ подобномъ удовлетвореніи существеннымъ образомъ и заключается счастье человѣка; 2) стремленіе устроить семейную жизнь такимъ образомъ, чтобы она влекла

за собою какъ можно менѣе ограниченій для каждого изъ членовъ семьи, потому что, чѣмъ менѣе ограниченій налагается на жизнь каждого, чѣмъ она свободнѣе, тѣмъ болѣе она полна радостей и счастья; 3) заботу отомъ, чтобы семья являлась настолько сплоченнымъ и солидарнымъ цѣлымъ, чтобы всякое событие, случающееся съ однимъ изъ членовъ семьи находило свой откликъ во всѣхъ остальныхъ. Тогда радость каждого переживается всѣми, а это ведеть къ еще большему умноженію счастья въ семье.

Если мы возьмемъ ту болѣе широкую группу людей, которая называется народомъ, то въ отношеніи нея для отдельной личности могутъ быть намѣчены слѣдующія цѣли: 1) стремленіе создать такой общественный порядокъ, который давалъ бы каждому члену общества возможность въ наибольшей степени удовлетворять всѣ свои потребности, а также слѣдовательно своимъ склонностямъ и вкусамъ, насколько, конечно, эти послѣдніе совмѣстимы съ нормальнымъ, здоровымъ развитиемъ человѣческой природы; 2) стремленіе, чтобы этотъ общественный порядокъ въ наименьшей степени ограничивалъ свободу каждого; 3) стремленіе настолько сплотить общество, чтобы оно являлось чуткимъ къ страданіямъ и радостямъ каждого изъ своихъ членовъ. Широкая симпатія между членами общества есть условіе для наибольшей суммы счастья въ немъ.

Если, наконецъ, стремленіе доставить людямъ счастье распространится на все человѣчество, то мы получимъ слѣдующія задачи: 1) стремленіе объединить все человѣчество въ одинъ широкій союзъ людей, ставящій своей главной цѣлью удовлетвореніе всѣхъ потребностей каждого изъ своихъ членовъ; 2) стремленіе, чтобы подобный союзъ наряду съ наибольшою солидарностью и съ наибольшимъ развитиемъ взаимной симпатіи соединялъ наименьшее ограниченіе свободы

каждаго чловѣка и доставлялъ бы каждому изъ своихъ членовъ наибольшую возможную сумму счастья. Когда чловѣчество достигнетъ этой цѣли, то, быть можетъ, оно поставитъ своей задачей — достиженіе такого мірового порядка, при которомъ бы каждое живое существо имѣло возможность достигнуть наибольшей полноты счастья.

Намъ остается теперь только разсмотрѣть тѣ цѣли, главный предметъ которыхъ составляетъ содѣйствіе развитію и совершенствованію другихъ людей. Начнемъ съ семьи. Общая цѣль — содѣйствіе развитію — разбивается здѣсь на слѣдующія частныя задачи: 1) содѣйствіе развитію своихъ дѣтей, воспитаніе и образованіе ихъ; 2) содѣйствіе взрослымъ членамъ семьи въ ихъ стремлѣніяхъ къ дальнѣйшему совершенствованію себя, къ пополненію и продолженію своего образованія и т. д.; 3) содѣйствіе къ созданію такого взаимодѣйствія между отдельными членами семьи, которое давало бы возможность каждому изъ нихъ достигнуть наибольшей возможной степени развитія и совершенства и которое обратило бы семью въ солидарный союзъ лицъ, взаимно помогающихъ другъ другу въ дѣлѣ совершенствованія и развитія.

Если содѣйствіе развитію распространяется на большую группу, напр., на народъ, то возникаютъ слѣдующія задачи: 1) содѣйствіе развитію и совершенствованію молодого поколѣнія даннаго народа, правильному его воспитанію и образованію; 2) доставленіе взрослому поколѣнію этого народа возможности и средствъ продолжать свое развитіе и совершенствованіе, пріобрѣтать новыя научныя знанія, расширять свой умственный кругозоръ и т. д. Наконецъ, 3) созданіе такихъ общественныхъ условій, такая реорганизація общественной жизни, которая дала бы возможность каждому достигнуть наибольшей возможной степени развитія. Не только, напр., низшее образо-

ваніе должно стать всеобщимъ и для всѣхъ доступнымъ, но таковимъ должно стать также и высшее образованіе и среднее. При этомъ здѣсь предполагается также стремленіе такъ видоизмѣнить существующія воспитательныя и образовательныя высшія, среднія и низшія учебныя заведенія, чтобы они дѣйствительно способствовали развитію своихъ питомцевъ и ихъ совершенствованію, а не порождали бы часто совершенно противоположныхъ результатовъ.

Предположимъ теперь, что предметомъ заботъ отдельной личности становится всѣ человѣчество, тогда она будетъ имѣть передъ собою слѣдующія задачи: 1) объединеніе всего человѣчества въ широкій солидарный союзъ свободныхъ людей, соединенные усилия которыхъ были бы направлены самимъ цѣлесообразнымъ и успешнымъ образомъ на воспитаніе и развитие молодого поколѣнія, такъ чтобы каждый членъ этого молодого поколѣнія могъ достигнуть наибольшей полноты развитія и совершенства, допускаемой егъ природными задатками, чтобы ни одна способность, ни одно дарованіе не заглохли, а получили бы возможность развернуться пышнымъ цвѣтомъ; 2) созданіе такихъ формъ общенія и взаимодѣйствія среди объединенного человѣчества, которыя давали бы возможность и каждой взрослой личности продолжать непрерывно своё развитіе и совершенствованіе, давали бы возможность каждому достигать и быть идеальнымъ образцомъ человѣческаго типа, чтобы человѣчество стало союзомъ развитыхъ и совершенныхъ людей, продолжающихъ подниматься на всѣ болѣе высокія ступени развитія и совершенства, благодаря той широкой гармоніи и коопераціи, которая существуетъ между ними. Когда человѣчество станетъ такой совершенной коопераціей людей для всеобщаго взаимнаго развитія и совершенствованія, тогда, быть можетъ, передъ нимъ возникнетъ новая задача: содѣйствовать

розвитю и совершенствованю каждого живого существо и цѣлый міръ пересоздать по образу и подобію того, что человѣчеству удалось устроить внутри самого себя. Тогда, быть можетъ, человѣчество будетъ стремиться сдѣлать всю вселенную всеобщимъ гармоническимъ союзомъ всѣхъ живыхъ существъ для взаимнаго ихъ совершенствованія и развитія. Борьба за существованіе и антагонизмъ интересовъ уступятъ мѣсто всеобщей коопераціи и гармоніи, и прогрессъ, всеобщій, непрерывный, сознательный и систематичскій прогрессъ всѣхъ живыхъ существъ и ихъ соціальныхъ сочетаній другъ съ другомъ — составить высшій незыблемый законъ этого обновленного міра, этой новой Вселенной. Дальше этого не можетъ подниматься мечта современаго человѣка. Многіе назовутъ, пожалуй, это бреднями и посмѣются надъ подобными фантазіями, но, по нашему мнѣнію, эти фантазіи имѣютъ тѣмъ не менѣе большое значеніе. Онѣ составляютъ остаточную форму того, что метафизика заключаетъ въ себѣ прочнаго, хорошаго, здороваго. Метафизическія потребность, какъ попытка отдать себѣ отчетъ въ томъ, какой смыслъ имѣеть наша жизнь въ безпредѣльной жизни всего міра, никогда не умретъ, да было бы и печально, если бы она умерла. Никто не говорить, чтобы вы отвлекались отъ практическихъ жизненныхъ интересовъ, чтобы вы игнорировали текущія „злобы дня“, которые каждый шагъ вашего существованія приносить вамъ. Это — неоспоримая истина, что мы живемъ на землѣ и что каждому дню „довлѣть злоба его“, но развѣ надъ нами не раскинулось также безпредѣльное небо, развѣ наша мысль не способна охватить въ своеі смѣломъ полетѣ не только кратковременное поприще нашей мимолетной и недолгой жизни, но и жизнь человѣчества въ его безпредѣльномъ развитіи. Жизнь будетъ не полна, если мы будемъ исключительно только гля-

дѣть на землю, на то, что находится подъ нашими ногами, и откажемся взглянуть на свѣтлое небо, на тѣ широкія безпредѣльныя перспективы, которыя мысль человѣка открываетъ передъ нимъ. Зачѣмъ съуживать свой горизонтъ и произвольно ограничивать поле своего зрењія, зачѣмъ воздерживаться отъ попытки болѣе широко взглянуть на свою жизнь? Не бойтесь, подобная попытка не повредить вашей практической дѣятельности, не отвлечетъ васъ отъ вашихъ земныхъ дѣлъ и нуждъ, но, быть можетъ, дастъ вамъ возможность легче переносить бремя жизни и бодрѣе двигаться впередъ къ лучшему будущему среди разныхъ житейскихъ неудачъ.

На этомъ мы и заключимъ свой обзоръ цѣлей, который, конечно, далеко не полонъ и не исчерпываетъ всѣхъ возможныхъ цѣлей. Но, какъ мы указывали уже это ранѣе, наша классификація имѣеть только примѣрное значеніе и мы нисколько не претендуемъ на ея полноту. Заканчивая свой настоящій трудъ, мы коснемся здѣсь только еще одной стороны нравственаго развитія, относительно которой до сихъ поръ нами ничего не было сказано. Мы отмѣтили ту важность, которую имѣеть для выработки нравственной воли развитіе способности представлениія. Но наряду съ интеллектуальнымъ моментомъ не менѣе важную роль въ нравственности играетъ и моментъ эмоциональный. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи фундаментомъ этическаго развитія должна служить *нравственная любовь*.

Какъ описать и охарактеризовать это чувство? Мы бы опредѣлили его такъ: этическая любовь есть такое чувство гармоніи человѣка съ человѣкомъ, при которомъ одинъ человѣкъ сливаются духовно съ другимъ человѣкомъ въ одно цѣлое настолько, что становится способнымъ желать блага, счастья и развитія этого другого человѣка ради него самого, а не ради

себя, безъ всякихъ даже соображеній о томъ, что воспослѣдуетъ отъ этого лично для себя. Развить такое чувство какъ въ себѣ, такъ и въ дѣтяхъ очень трудно, а еще труднѣе достигнуть того, чтобы это чувство сдѣлалось руководящимъ нашимъ стимуломъ во всѣ моменты нашей жизни, а не вспыхивало бы въ насъ только какъ яркій огонекъ, при исключительныхъ условіяхъ. Какъ часто бываетъ, что вспыхнетъ на минуту въ душѣ огонь этой свѣтлой страсти и потухнетъ, и въ душѣ воцаряется страшная тьма, подъ покровомъ которой выползаютъ изъ разныхъ закаулковъ души всевозможные гады въ образѣ низменныхъ желаній и начинаютъ безконтрольно и безшабашно въ ней хозяйничать до тѣхъ поръ, пока внезапно опять не вспыхнетъ свѣтлый огонекъ и всѣ отвратительныя чудовища, терзавшія нашу душу, не разбѣгутся въ страхѣ и трепетѣ въ разныя стороны. Вотъ и надо, чтобы этотъ огонекъ, который загорается въ насъ только временами, могъ бы всегда въ насъ горѣть ровнымъ, никогда не ослабѣвающимъ пламенемъ, такъ чтобы тѣ чудовища, о которыхъ мы говорили, не находя пищи и простора для своей дѣятельности, мало-по-малу и незамѣтно умерли, не оставивъ въ душѣ никакого слѣда.

Первое необходимое условіе для развитія нравственной любви заключается въ томъ, чтобы научить человѣка разматривать себя не какъ нѣчто изолированное отъ всего окружающаго міра и противостоящее ему, но какъ составляющее съ этимъ міромъ одно цѣлое. Надо, чтобы человѣкъ научился во всѣхъ актахъ своей жизни становиться на точку зреїння болѣе или менѣе широкаго цѣлага, чтобы мѣстоименіе „мы“ („для насъ“) играло въ его сознаніи болѣе значительную роль, чѣмъ мѣстоименіе „я“ („для меня“), во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда онъ преслѣдуется тѣ или другія цѣли. Но здѣсь мы должны отвѣтить на

одно весьма важное возражение, которое можетъ быть намъ сдѣлано. Намъ скажутъ, „развитіе нравственныхъ стремленій въ человѣкѣ связано съ развитіемъ въ немъ самосознанія, съ высшею выработкою въ немъ того, что называется личностью. Стараясь пріучить его разсматривать себя составляющимъ съ міромъ одно цѣлое, вы подрываете въ немъ развитіе личности и самосознанія и тѣмъ самымъ уничтожаете въ немъ одно изъ неоходимыхъ условій для развитія нравственныхъ стремленій“. Вотъ то противорѣчіе, на которое могутъ обратить наше вниманіе: одно необходимое условіе для развитія въ человѣкѣ нравственности, повидимому, совершенно устраниетъ и дѣлаетъ невозможнымъ другое такое же необходимое условіе. Но именно только повидимому, и указанное противорѣчіе есть не болѣе какъ мнимое: развитіе въ человѣкѣ самосознанія и личности нисколько не уничтожаетъ необходимости развивать въ немъ привычку разсматривать себя съ человѣчествомъ, какъ одно цѣлое. Самосознаніе вовсе не обозначаетъ противоположенія индивидуума всему остальному міру или человѣчеству; можно было бы даже опредѣлить его просто, какъ сознаніе того мѣста, которое индивидуумъ, какъ часть, занимаетъ въ обширномъ цѣломъ, называемомъ нами человѣчествомъ или міромъ. Стараться пріобрѣсти себѣ наибольшее сознаніе о мірѣ, стараться понять, какъ это „Великое Цѣлое“ дробится на отдѣльныя взаимно связанныя части и стараться изъ этихъ отдѣльныхъ частей понять прежде всего именно тѣ, которыя намъ наиболѣе всего доступны, т. е. самихъ себя, не значить-ли это работать въ тоже время на пути выработки въ себѣ наибольшей возможной степени самосознанія и личности. Личность я бы опредѣлилъ, какъ часть этого цѣлаго, сознавшую свою роль, мѣсто и назначеніе въ немъ и стремящуюся всѣ это сознательно осуществить на дѣлѣ. Такимъ образомъ, для развитія

самосознанія и выработки личности необходимо, болѣе чѣмъ это обыкновенно предполагаютъ, развитіе способности становиться на точку зрѣнія болѣе или менѣе широкой группы существъ. Личность, достигшая высшей степени самобытности, самосознанія и свободы будетъ въ тоже время и личностью, которая въ наибольшей степени чувствуетъ свое глубокое родство съ безпредѣльной жизнью всего человѣчества и міра, которая связана съ этою жизнью самыми тѣсными и неразрывными нитями, которая живетъ съ человѣчествомъ и міромъ одною общею жизнью, которая въ работѣ надъ улучшеніемъ, возвышеніемъ и облагороженіемъ міровой и общечеловѣческой жизни находитъ для себя высшую цѣль и для которой маленькое мѣстоименіе „я“ утратило свое прежнее значеніе, ставъ въ ея глазахъ выраженіемъ человѣческой гордости, заносчивости и эгоизма. Каждый человѣкъ нашего поколѣнія долженъ прилагать всѣ усилия къ тому, чтобы разрушить тѣ заставы, перегородки и каменные стѣны, которая ложное воспитаніе и унаслѣдованныя предразсудки воздвигли между нимъ и его близними, между нимъ и міромъ. Какъ много стѣнъ ему придется сломать, сколько упорной работы, и среди этихъ стѣнъ какъ много—изукрашенныхъ цвѣтами его чувства и фантазіи и разрушить которая онъ можетъ только съ болью сердца! Сколько милыхъ, дорогихъ сердцу предразсудковъ, съ которыми ему, быть можетъ, придется разстаться, обливъ ихъ слезами! Поплѣ, оглядываясь на пройденный путь, онъ будетъ удивляться этимъ слезамъ, но въ свое время онъ были выраженіемъ живого реального горя, такъ какъ душѣ приходилось переживать страшную ломку всѣхъ прежнихъ коренныхъ устоевъ.

Чтобы воспитать въ человѣкѣ привычку разматривать себя, какъ составляющаго съ міромъ и человѣчествомъ одно цѣлое, надо пользоваться для этого вся-

кимъ представляющимся случаемъ. Чтобы родилось сознательное и глубокое чувство подобной связи съ міромъ и человѣчествомъ, надо, чтобы самая мысль и идея этой связи пустили глубокіе корни въ нашемъ мышленіи, надо такъ пріучить работать нашу мысль, чтобы, думая о частномъ, индивидуальномъ и особенномъ, она прежде всего старалась бы понять то мѣсто, которое данный индивидуальный фактъ занимаетъ въ общемъ строѣ міровой жизни. Въ насъ, напротивъ того, преобладаетъ другая черта: задумываясь надъ извѣстными частными явленіями, мы рассматриваемъ ихъ обыкновенно изолированно и рѣдко стараемся понять ихъ мѣсто въ общемъ потокѣ явленій и оцѣнить ихъ значеніе въ эволюціи міровой жизни. Пока не измѣнятся привычки нашего мышленія въ этомъ отношеніи, трудно разсчитывать на то, чтобы измѣнились существенно и способы нашей практической дѣятельности. Теоретический способъ отношенія къ міру и жизни, проявляется-ли онъ въ методическомъ-научномъ или въ наивномъ обыденномъ мышленіи, играетъ решающее значеніе въ отношеніи человѣческаго поведенія. Высказывая эту мысль, я подразумѣваю не тотъ фактъ, что извѣстное міросозерцаніе имѣеть опредѣленное влияніе на наши поступки, а тотъ, что еще большее влияніе имѣютъ самые приемы мысли, и если вы хотите достигнуть действительно глубокихъ переворотовъ въ области человѣческаго поведенія, то направьте свои удары не на то или другое міросозерцаніе, а на тѣ или другіе приемы и способы мышленія. Если человѣкъ научится всегда, когда бы ему не приходилось примѣнять свою мысль, становиться на точку зренія всего міра, какъ цѣлаго, то повѣрьте, что и практически, въ своей дѣятельности, въ своемъ поведеніи, онъ перестанетъ себя раздѣлять отъ человѣчества и міра и будетъ дѣйствовать такъ, какъ если бы онъ составлялъ съ человѣчествомъ и міромъ одно

неразрывное цѣлое. Но, чтобы измѣнить способы и пріемы мышленія—въ этомъ отношеніи еще очень много придется сдѣлать. Міросозерцанія легче мѣняются, чѣмъ пріемы мышленія, но оттого менѣе значительно и ихъ вліяніе на поведеніе человѣка. Привить людямъ тѣ или другія идеи гораздо легче, чѣмъ воспитать въ нихъ правильный способъ теоретического отношенія къ явленіямъ жизни.

При воспитаніи въ ребенкѣ привычки и способности становиться на точку зрѣнія болѣе или менѣе широкаго цѣлаго, часть котораго онъ составляетъ въ данную минуту, надо слѣдовать слѣдующему правилу. Понятіе о томъ цѣломъ, на точку зрѣнія котораго ребенокъ становится, должно быть расширяемо только постепенно въ связи съ ростомъ умственныхъ способностей ребенка. Съ развитіемъ этихъ способностей ребенокъ дѣлается въ состояніи становиться на точку зрѣнія все болѣе и болѣе широкаго цѣлаго, но каждый разъ надо заботиться о томъ, чтобы онъ становился на точку зрѣнія того цѣлаго, о которомъ онъ имѣеть ясное представление и которое имѣеть для него то или другое конкретное реальное значеніе. Иначе понятіе о цѣломъ, часть котораго онъ составляетъ, сведется для него на звукъ пустой и не будетъ имѣть никакого благотворнаго воспитательного вліянія. Напр., въ первое время ему можетъ быть ясно и понятно только, что онъ составляетъ одно цѣлое со своею матерью, потомъ онъ научится включать сюда отца, братьевъ, сестеръ и т. д. Только уже въ самомъ зрѣломъ возрастѣ на извѣстной высотѣ научнаго и философскаго развитія, вооруженный богатымъ запасомъ знаній о природѣ и историческомъ развитіи человѣчества, человѣкъ научается становиться на точку зрѣнія всего міра и всего человѣчества. Но это—вершина, подниматься до которой приходится черезъ множество промежуточныхъ ступеней. Главный вопросъ въ томъ и

заключается, чтобы опредѣлить эти послѣдовательныя ступени такъ, какъ онѣ намѣчаются соотвѣтственно съ естественнымъ развитіемъ умственныхъ способностей ребенка.

Для того, чтобы еще болѣе ярко оттѣнить, чѣмъ тотъ способъ мышленія, о которомъ мы выше говорили и который составляетъ необходимый фундаментъ для развитія въ насъ нравственной любви, разнится отъ обычнаго обыденнаго, возьмемъ конкретный примѣръ. Представьте себѣ, что передъ вами находится какое-нибудь другое живое существо, напр., человѣкъ, и что вы думаете о немъ. Какимъ образомъ можетъ направиться при этомъ ваша мысль? Вы можете обратить вниманіе на его наружность, носъ, глаза, очертаніе лица, походку, на его костюмъ, способъ разговора и т. д. и составивъ такимъ образомъ себѣ понятіе о немъ, какъ опредѣленномъ индивидуумѣ, этимъ ограничиться. Но можно пойти и дальше, можно не ограничиться мыслью о данномъ человѣкѣ, какъ индивидуально-изолированномъ фактѣ, но спросить себя, какое значеніе этотъ человѣкъ имѣеть для остального міра людей и не могла-ли бы жизнь его быть болѣе плодотворна въ этомъ отношеніи. Въ первомъ случаѣ мысль о другомъ человѣкѣ не вызоветъ съ вашей стороны никакого практическаго дѣйствія, во второмъ случаѣ она повлечетъ за собою цѣлый рядъ дѣйствій, направленныхъ къ тому, чтобы сдѣлать жизнь этого другого человѣка болѣе плодотворной для человѣчества, чтобы сдѣлать жизнь его болѣе богатой, цѣнной и содержательной. Конечно, передъ вами проходятъ ежедневно тысячи людей и нѣть возможности такимъ образомъ задуматься о каждомъ, но съ нѣкоторыми изъ этихъ людей вы встрѣчаетесь болѣе часто и вступаете въ болѣе близкія отношенія и, вотъ, думая объ этихъ то людяхъ, ваша мысль должна работать въ указанномъ направлении. Однимъ словомъ, думая объ

извѣстномъ человѣкѣ, какомъ бы то ни было, надо, насколько это допускаютъ наши свѣдѣнія о немъ, ста-раться понять его значеніе въ жизни всего человѣче-ства, надо разсматривать его не какъ изолированнаго индивидуума, а какъ члена общества, какъ часть боль-шого цѣлага, называемаго человѣчествомъ. Если бы мы были искренними,—то должны были бы откровенно сознаться, что очень рѣдко и очень мало думаемъ объ общечеловѣческой цѣнности каждой человѣческой жиз-ни и о тѣхъ средствахъ, какими эту цѣнность можно было бы возвысить. Вся бѣда въ томъ, что люди нась или вовсе не интересуютъ, или интересуютъ исключи-тельно только взятые въ своей индивидуальной оболо-чкѣ. О людяхъ же, какъ возможныхъ плодотворныхъ работникахъ на пользу человѣчества мы рѣдко когда думаемъ. Но если вы хотите воспитать въ себѣ не безразличное отношеніе къ людямъ и если вы хотите, чтобы ваше чувство къ нѣкоторымъ членамъ человѣ-чества не носило исключительно только чисто личнаго и субъективнаго характера и не имѣло бы видъ лишь пристрастія, старайтесь о каждомъ человѣкѣ вообще, а о близкихъ и дорогихъ вамъ въ особенности, думать, какъ о возможныхъ служителяхъ добра и правды, какъ о свободныхъ дѣятеляхъ на поприщѣ увеличенія среди человѣчества солидарности и свободы. Если вы нау-читесь подобнымъ образомъ смотрѣть на каждого че-ловѣка, то вы тогда дѣйствительно воспитаете въ себѣ способность любить человѣка тою высшею нравствен-пою любовью, выше которой ничего быть не можетъ; вы научитесь любить его ради него самого и ради че-ловѣчества. Въ каждомъ отдѣльномъ человѣкѣ вы бу-дете любить все человѣчество и отъ этого ваша лю-бовь къ данному лицу приобрѣтѣ болѣе свѣтлый, широкій и благородный характеръ. Да не подумаютъ, что мы хотѣли бы уничтожить личныя чувства и лич-ныя привязанности и интересъ ко всякому человѣку

именно какъ къ особенному индивидууму, со своей индивидуальной физіономіей и со своимъ особыннымъ складомъ жизни. Мы далеки отъ всякой подобной мысли; напротивъ того, мы признаемъ большое значеніе за личнымъ, субъективнымъ, индивидуальнымъ. Все, на чёмъ мы настаиваемъ, это—что бы человѣкъ научился не застывать и не останавливаться исключительно только на индивидуальномъ, но постоянно стремилсѧ бы свои мысли, чувства и дѣйствія, имѣющія субъективный, личный характеръ, связывать съ мыслями, чувствами и дѣйствіями, предметомъ которыхъ является все человѣчество. Наши личные чувства отъ этого не потерпятъ никакого ущерба, но станутъ только шире, свѣтлѣе и чище. Мечтать же объ уничтоженіи всего личнаго, всего, носящаго индивидуальный оттѣнокъ, стремиться индивидуума цѣликомъ безъ остатка растворить въ общемъ,—значитъ работать противъ началъ самой жизни, значитъ вмѣсто жизни сѣять всюду смерть и разложеніе. Главная задача наша въ томъ именно и заключается, чтобы наибольшее развитіе всего личнаго и индивидуальнаго умѣть гармонически соединить съ наиболѣшимъ развитіемъ безличнаго и всеобщаго. Индивидуумъ даже какъ индивидуумъ имѣть неизмѣримую цѣну и не допускаетъ никакой для себя замѣны, но эта цѣна безконечно, безмѣрно возрастаетъ, если индивидуумъ получаетъ значеніе въ общемъ ходѣ жизни человѣчества и міра. Только о томъ, чтобы увеличить его цѣну, а не о томъ, чтобы его обезличить и лишить той цѣны, которую онъ уже имѣеть, какъ индивидуумъ, идетъ здѣсь дѣло. И то же самое имѣеть значеніе въ отношеніи каждого субъективнаго, личнаго чувства или мысли. Чтобы повысить значеніе этого чувства или мысли надо связать ихъ съ чувствами и мыслями, имѣющими болѣе широкій характеръ, предметъ которыхъ простирается на болѣе широкое цѣлое. Въ конечномъ предѣлѣ это цѣлое становится равнымъ

всему человѣчеству и міру. Чѣмъ болѣе идеи, чувства и поступки человѣка, не утрачивая своего индивидуального характера, приобрѣтаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ и общечеловѣческое значеніе, чѣмъ въ большей мѣрѣ отдѣльный человѣкъ является представителемъ и выразителемъ всего человѣчества, его завѣтныхъ надеждъ и стремленій, его борьбы за лучшее, свѣтлое будущее, тѣмъ болѣе нравственный характеръ получаетъ жизнь и дѣятельность данной личности. Способствовать этому всѣми возможными средствами и составляетъ одну изъ самыхъ основныхъ задачъ нравственного воспитанія.

Кон. Вентцель.

